

Не «простая». Просто хорошо воспитана

Стиль — это способность отказаться от лишнего во имя... во имя чего бы то ни было. Эдита Станиславовна — стильная женщина и стильная певица, ибо искусством отказывается от «не необходимого» она владеет в высшей мере. Она не стремится спеть другим голосом, скажем, первым сопрано (хотя, конечно, может), или выйти на сцену в мини (хотя, согласитесь, могла бы себе это позволить).

... В ее жизни самым «странным» отказом был отказ от кино. «Черт возьми, что за женщина! Я думал, у нас таких не делают!» — задохнулся от восторга один человек, внимая Пьехе в фильме «Ошибка резидента». Бог знает, в который раз человек смотрел этот фильм, но его реплика никогда не менялась и с каждым разом звучала все надрывнее. У Эдиты Станиславовны было три «кина», не считая одного эпизода. После того, как в двух картинах Пьехе «была» разведчицей, наши режиссеры воскликнули: «Наконец-то амплуа для нее найдено!» — и посыпались предложения продолжить «разведдеятельность» в кинематографе. «Я отказалась. Это был совсем не мой стиль: играть каких-то коварных разведчиц, целоваться с какими-то разведчиками, — зачем мне это нужно?»

Не менее «странным» был отказ от театра. «В то время отгремела с огромным успехом «Варшавская мелодия» с Алисой Фрейндлих, и Игорь Горбачев — мы с ним, кстати, коллеги по психологическому факультету университета — хотел, чтобы я сыграла в «Варшавской мелодии» в Пушкинском театре, а музыку к спектаклю должен был написать Пожлаков — мне очень близки по духу его произведения. Я уже представила, как выхожу на сцену, как играю... И вдруг струсила: я привыкла, что у меня микрофон, все на

фоне музыки, а тут — двое на сцене, переживать надо, плакать. А я не могу. В кино перед камерой смогла бы, а здесь... И я отказалась. Горбачев очень расстроился.

Она отказалась от себя в черном цвете, который для нее не просто лишний — он страшный: черный цвет — это траур мамы, когда умер папа; это траур мамы по сыну; это единственные похороны в ее жизни, на которых она была. Хотя молва успела «похоронить» и саму Эдиту Станиславовну. (Касаемо деятелей искусства, наверное, можно сказать: «хороним» — значит любим). Это случилось в 60-е годы. «Я была в Краснодаре, вдруг звонок. Свекровь, чуть не плача: «мне Эдиту Пьеху!» — «Мама, это я». — «Не надо меня разыгрывать, я хочу услышать Эдиту!!» — «Это я!!» — «Ты! Жива! Что случилось? — приходят с цветами, венки несут, спрашивают, когда твои похороны?» Потом я поняла, почему я «умерла»: я проверяла щитовидку в Институте рентгенологии, рядом с Институтом онкологии. И в течение недели ездила утром на такси, проходила обследование, а вечером на такси же — на концерт. А потом я уехала на гастроли. Таксисты видят: нет меня! Ездила в какой-то «лечебный институт» и вдруг пропала. И пошла молва — умерла Пьеха. Потом опровержение было по телевидению, по радио, в газетах. Но самое смешное, что через год я вызываю такси, называю свою фамилию, а водитель-женщина смотрит на меня и сквозь слезы: «Бедная Пьеха! Такая молодая, и умерла. А вы ее однофамилица?» —

«Так я Пьеха» — «Да что вы мне говорите! Я каждый день хожу к ней на могилу, цветы ношу. Ну что тут скажешь? Давайте, говорю, вместе съездим, я тоже хочу ее могиле поклониться, коль у нас фамилии одинаковые. В общем, истерики с женщиной была. Я показала паспорт, подарила фотографию с автографом, — только тогда она успокоилась. А могилу она для трагизма выдумала».

В квартире Эдиты Станиславовны можно было бы устраивать экскурсии под названием «дары поклонников». Но многих «экспонатов» этой «выставки» уже нет: непонятно каким образом исчезли. Только потом замечаешь: нет того, нет этого... Нет конверта, подаренного Юрием Гагарином, — этот конверт был выпущен в день первого космического полета; с марками, погашенными штемпелем, который существовал только один час. Гагарин тогда расписался на конверте и сказал: «Когда в жизни случатся денежные затруднения, ты сможешь продать этот конверт... Пропала фотография с автографом Марлен Дитрих. Она выступала, кажется, в 68-м, в Пушкинском театре, был всего один гениальный сказочный концерт, друзья провели меня за кулисы, к ней. Я по-немецки говорю достаточно, чтобы пообщаться, но эта почти «восточная» женщина с совершенно неподвижным белым лицом ничего не говорила, только слушала, а потом подписала свое фото и подарила мне. А теперь той фотографии нет. Знаете, так жалко, это же часть моей биографии, жизни, у этих вещей были свои голоса».

«Конечно, никакой психологический факультет не уберег бы меня от чьего-то предательства. Правильно говорят: чужие не предают, предают только свои. Чужие могут только сделать подлость». Бывают подлости, а бывают и «подлянки». «Приезжаю на концерт, уже надела специально сшитое для это-

го вечера платье, а туфли пропали! А рядом стоит коробка. Открываю — записка: «Носи галоши лучше», и сами галоши лежат рядышком». Такой вот подарок любимой певице. Эдита Станиславовна, не мудрствуя лукаво, надела на ноги «подарок», так «гармонировавший» с романтическим нежным платьем, вышла на сцену и продемонстрировала «дар» зрителям. Так Эдита Пьеха, надев галоши, посадила кого-то в «галошу». Может, за подобные «выходки» Пьеха и слышит часто такой комплимент: «Ой! Вы такая простая!» и тут же отвечает: «Я не простая. Я просто хорошо воспитана».

Достаточно хорошо воспитана для того, чтобы не называть свои теплые, прекрасные отношения с Клавдией Ивановной Шульженко — дружбой. Достаточно хорошо воспитана, чтобы покраснеть от смущения, поняв, «какую бестактность сотворила», попросив у знаменитого Жильбера Беко: «Пердайте, пожалуйста, вот этот самовар моим родственникам во Франции». Беко тоже был хорошо воспитан — он передал. Хорошо был воспитан и Шарль Азнавур, уступивший Пьехе в Карнеги-холле свою гримерную. «В стиле» Эдиты Пьехи — преподнести своему коллеге (будь то наш, ленинградский — петербургский артист, или «иногородний», или «заграниценный») после его концерта корзину цветов. Только сейчас... сейчас Пьехе все меньше хочется делать этот «архайичный, немодный жест» в сторону молодых наших гастролеров. Не потому, что поют плохо, — культуры нет, воспитания.

...Свой день рождения Эдита Станиславовна будет отмечать в «Октябрьском». Даже не возьмемся говорить ей комплименты. Все комплименты она знает. Но сама себе не скажет, потому что хорошо воспитана.

Беседовала
Анастасия ДОЛГОШОВА